

Китайская юриспруденция (Дорошевич)

Мандарин Чин-Хо-Зан был премудрым судьёю. А так как мудрые судьи редкость в Китае, — то к Чин-Хо-Зану приходили судиться даже из чужих провинций. Сколько ни брал взятки Чин-Хо-Зан, — не это изнуряло старика.

Главное, что повторялось всегда одно и то же. Когда разбиралось уголовное дело, обвиняемый падал в ноги судье и вопил:

— Чин-Хо-Зан, бойся увлечения! Моё дело гражданское, и уголовного в нём ничего нет. Присуди с меня деньги, если у тебя хватит на это совести, моему обидчику. Но в тюрьму меня сажать не за что. Дело о деньгах! Дело гражданское. И суди меня по законам гражданским, а не по уголовным.

Когда же разбиралось дело гражданское, тогда кидались в ноги оба: и ответчик, и истец. Истец вопил:

— Чин-Хо-Зан, бойся сострадания! Что мне из того, что ты взыщешь с него деньги? Ты в тюрьму его засади! Это дело не гражданское! Каналья не хочет платить того, что должен! Это мошенничество! Это дело уголовное!

А ответчик в это время, валяясь в ногах, плакал:

— Чин-Хо-Зан! Хочешь раз в жизни быть справедливым? Засади в тюрьму бестию, которая требует денег с тех, кто ему не должен! Чистейшее мошенничество! Чин-Хо-Зан! Что из того, если ты в гражданском порядке откажешь ему в иске? В тюрьму его, подлеца! Это дело уголовное!

Это повторялось всю жизнь, — и в конце концов надоело Чин-Хо-Зану. Китайская пословица говорит:

— Девятая тарелка самой вкусной похлёбки уже не вкусна.

Так как у Чин-Хо-Зана было два сына, взрослых молодца, — то он призвал их и сказал:

— Довольно вам бить баклуши в Китае. Вот вам денег! Поезжайте в Европу. Есть такая страна. Туда и солнце является с запозданием. Заплатите деньги и учитесь. Там знанием торгуют, как у нас провизией. Стараясь сбыть тухлятину. И есть там, я слышал, две такие науки. Гражданское право и уголовное. Ты изучишь гражданское, а ты уголовное. И вернётесь сюда и

расскажете. И буду я знать, наконец, чем отличается гражданское дело от уголовного. Ступайте!

Дети собрались и со многими слезами поехали в Европу. Четыре года пропадали они в Европе. Всё ездили с места на место и везде учились. Отец получал письма с самыми странными названиями городов. То «Па-Риж», то «Лон-Дон», то «Ве-На», то «Бер-Лин».

А один раз в заголовке письма было написано: — Moulin-Rouge.

Каждое письмо заканчивалось словами:

— Варвары жадны. Знание сладко. А посему пришли нам ещё денег.

Наконец это надоело старику. Однажды, получив такое письмо, он не послал денег.

И через тридцать дней и ночей сыновья вернулись. Вернулись худые, тощие, со впалыми глазами, едва стоя на дрожащих ногах.

— Хочу думать, что это от наук! — сказал Чин-Хо-Зан и велел сыновьям: — Рассказывайте мне всё, чему вы выучились в далёкой стране, куда даже солнце доходит с опозданием. Сначала ты, мой старший сын, расскажи мне, что такое гражданское дело, а потом ты, мой младший, расскажи мне об уголовном. Чтоб знал я, старик, как разбираться мне в делах тяжущихся.

Сыновья поклонились и начали.

Сначала старший сын два часа рассказывал, что такое, по науке о праве, дело гражданское.

Потом младший подробно, в течение трёх часов излагал, какое дело надо считать уголовным. Уж солнце устало и стало склоняться к закату. Устал и старик.

— Кончили, наконец? — спросил он.

— Кончили.

— Фу-у!

Чин-Хо-Зан с минуту подумал, улыбнулся и сказал:

— Вижу, действительно, что белые варвары торгуют знанием, как наши торговцы свининой. Стараются взять побольше денег и сбыть тухлятину! Бамбуками бы их по пяткам. Пять часов несли какую-то ахинею! А, по-моему, дело просто. В уголовном деле ясен один мошенник. Тот, который сидит на

скамье подсудимых. А гражданским называется такое, где трудно разобраться, кто мошенник: тот ли, кто ищет, или тот, с кого взыскивают. Вот и всё различие между гражданским процессом и уголовным. А посему и надлежит: в уголовном процессе давать бамбуками по пяткам одному, а в гражданском обоим тяжущимся. Так это просто!

И все дивились юридическому инстинкту премудрого китайца.